

Галина ВОСТОКОВА

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

Повесть

*Опубликовано в журнале:
«Звезда Востока» 2012, №1/2*

Востокова Галина Сергеевна, инженер-геодезист и журналист, член Союза писателей с 1990 г., автор нескольких книг, включая исторические романы «Нефритовый слоненок» и «Симонетта».

1

Он с удовлетворением посмотрел на исписанный лист почтовой бумаги с изображением старинного чернильного прибора в углу. Буквы были неровными, но – что поделаешь? – слабая, усыхающая левая рука была плохой помощницей правой. Осталось завершить работу. И в этом действе крылась особая прелесть. Сначала дата. Потом упругая пружинка росписи. И за нею особо четко – «Александр Тилепин». В этот момент он походил на первоклассника, от усердия прикусившего губу. На седеющего, потрепанного жизнью первоклассника.

Александр! – а не уничижительное «Шурик» – и он превращался в личность, которая получала конверты с грифами столичных редакций, в личность, которой не гнушались отвечать народные писатели.

Александр! – и в младенческой голубизне глаз проблескивала сталь, а сведенные лопатки выправляли привычно сутулую спину.

Он лизнул липкий краешек конверта, надписанного заранее: «Москва... "Огонек"...», вложил письмо, прижал к столу, заклеивая. Неловкая левая рука смяла кончик, умелая правая – разгладила его. Ну, вот и все. Отправлю завтра поутру.

Он вышел из служебной каморки, ставшей домом, постоял на игровой площадке, по-хозяйски приладил на место железный прут, сдвинутый шастающими в детсад по вечерам подростками и влюбленными, повесил изнутри замок на калитку.

Порядок. Тишина. Только Полкан, поскуливая, просится на волю. Шурик спустил таксика с цепочки. Таксик, которого зовут «Полкан» – ведь здорово? Писателю можно целый рассказ построить на этом оксюмороне. Эпизоды, сюжеты были бисером, раскиданным под ногами. Бери – не хочу... Вот хотя бы появление таксика в детсаду...

Здоровенный детина электрик уселся на крутящийся стульчик в зале возле рояля и похлопал себя по колену: «Полкан, ко мне!». Женперсонал, обожавший его за веселый нрав, забеспокоился. Няня Поля кинулась к дверям с воплем: «Ах, паразит, пса что ль приволок?». Она готова была прикрыть питомцев своей широкой грудью и поэтому не увидела, как из-за пазухи, где частенько скрывалась бутылочка «бормотухи», высунулась темная мордашка, щенок плюхнулся на брюки. И все засмеялись...

Эпизода «Полкан» Шурик еще никому не подарил, ждал, пока пробьются на страницы книг или журналов уже предложенные им идеи и образы. Еще не появлялись. Писатели не спешили воспользоваться? Или не нравились прозаикам Шурикины сюжеты? Нет, нет... Они ведь каждый раз благодарили его за участие, за помощь. Шурик объяснял себе долгое ожидание так: во-первых, если его идея легла в основу романа, чего, конечно, и заслуживала, то роман – не юмореска, его и три года писать не долго. Во-вторых – ох уж наш медлительный процесс книгоиздания с ситом рецензентов! Наберемся терпения. Время есть.

Напрашивается вопрос: а почему бы тебе, Шурик, самому не оформить в рассказы свои задумки и не попытаться счастья в обожаемом издали писательском ремесле? И тут ответ двоякий, как почти все вокруг. С одной стороны... с другой стороны... Так вот, с одной стороны, он просто сомневался в своем умении, в образованности, в силе, могущей пробить броню редакций. С другой стороны, он как бы гордо взмывал НАД... А писатели-сказители были его экспериментальным материалом. Александр Тилепин придумал подкидывать им сюжетики, чтобы потом анализировать их превращения в творческой кухне: сумели ли литераторы по-деловому воспользоваться подарком.

У Шурика и сейчас занятий было немало. Двенадцать писателей на заметке. И для каждого – конторская книга. А там – соображения по поводу творчества, разбор просчетов и удач, и, самое ценное, крохи признаний, выуженные из писем.

«Как Вы стали прозаиком? – спрашивал Шурик. – А когда Вам лучше пишется?.. Ваше творческое кредо?..». Вот он, жемчуг, спрессованный в серых страницах грессбухов.

Слава Богу, никто не сует нос в его дела. Раньше, до обретения детсадовской свободы, было сложнее. Чтобы Любаша не проникла в смысл его жизни, не издевалась, посмеиваясь по этому поводу, он придумал вести записи латинскими буквами, а ей сказал, что изучает английский, в котором жена отнюдь не была сильна. Любаша все равно скривилась: «Дурью маешься!». А через месяц – так скоропалительно! – внесла новую ноту: «Что ж с тебя взять-то, убогого?». Взяла. Все. Ну и черт с нею. Нет худа без добра! В детсаду благодать. Знал бы раньше – давно бы здесь обосновался.

Жилье его имело вид неприглядный. Голая лампочка освещала, прежде всего, груды толстых и тонких популярных журналов с газетной лапшой закладок. Журналы обитали здесь, как им нравилось. То самый нужный и только что бывший под рукой оказывался в углу, придавленный кипой собратьев. То «пустой», без закладок, а значит – малоинтересный, мозолил глаза. А то с верхней полки вдруг сползала старая «Нева» и голубой лягушкой шмякалась на пол.

Шурик неуютно не замечал.

С тюфячком он направился к скамьям, сдвинутым у беседки. Но скрипнули раскачиваемые ветром длинные качели, и Шурика потянуло к ним. А уляжется ли? Не свалится ли? Нет, не свалился. Неиспытанное доселе ощущение наполняло его. Мерно постукивала о столбы спинка качелей. Позолоченным маятником шаталась луна, отсчитывая ночное время. За нею колебался звездный фон. Луна вдруг превратилась в Любашино лицо, внимательно-ласковое, как в первые после знакомства дни. Оно склонялось все ниже и ниже к Шурикиной колыбели. Или это матушка?..

Мама помирала в полном сознании. Шептала: «Шуричек, как же ты, хворый, без меня останешься? Ни постирать толком, ни погладить... Ох, устала жить, устала, отошла бы спокойно, если б ты обихожен да счастлив был...». «Мам, ну чего ты, ну не терзайся хоть из-за меня. Я в прачечную буду ходить, в химчистку, в столовую...». И вдруг, сознавая неловкость такого ответа, он добавил торопливо: «Ой, ну о чем мы говорим? Да ты еще вылечишься, еще побегаешь, а работать я тебе больше не дам. Хватит. Дома сиди, отдыхай. И бабульку какую тебе в помощь найдем». Но матушка с каждым днем все легчала, истончалась.

И однажды он с ужасом почувствовал, меняя белье, что почти без усилий поднимает ее одной здоровой рукой. И чтобы не заметила она его смятения, стал нести полнейшую чепуху: «Ты погоди, мать, еще на свадьбе моей гулять будем. Как закатим пир в ресторане!». Матушка только вздохнула. И подумала, верно: «Кому ты нужен кроме меня, сыночка...».

Кто бы знал, что слова про ресторан окажутся пророческими. Свадьбу там справляли по высшему разряду. С многочисленными закусками и горячими блюдами, названия которых Шурик так и не запомнил за год супружества.

Впервые в этот ресторан Шурик попал через месяц после похорон.

Сначала-то доедал оставшееся после поминок. Чередуя тощенькие супчики «из пакетиков» с кутьей и пирогами, наготовленными соседкой, которая мать любила и помогала за нею, умирающей, ухаживать. Но пироги кончились, пусто было на душе, ныл желудок, и однажды Шурик вышел из квартиры с твердым намерением поужинать по-человечески: печалься – не печалься, а организм требовал свое.

В столовую он опоздал – уборщица уже тыкала посетителям в башмаки мокрой щеткой, те глотали остывшие котлеты, не пережевывая, и допивали кисель, двигаясь к выходу. А из окон пышущего огнями и музыкой ресторана тянуло чем-то нестерпимо сытным, мясным. И Шурик, будто сомнамбула, двинулся на запах, совсем не думая, что траур еще не кончился, а певичка там вопит, кривляясь, что-то разухабистое.

Не припомнить случая, чтобы заходил он раньше в подобные заведения. Кроме, пожалуй, гостиничных да вокзальных – во время редких командировок. И то при крайней необходимости.

Шурик неуверенно оглянулся. Все столы были заняты. Тут Шурик увидел место, кажется, свободное. Пухленькая беленькая официанточка спешила мимо.

– Девушка, можно мне сесть за тот столик?

Она, не вслушиваясь, кивнула. Шурик пошел и сел. Сидевшие за столом недоуменно уставились на него.

– А этому хмырьку чего здесь надо? – сдвинул кустистые брови один.

– Брысь! – кинул сквозь зубы другой.

Шурик поежился, но вставать не стал:

– Мне официантка сюда велела...

– Какая?

– Вон та!..

– Любаша-джан, ты кого нам подкинула? Избавь, пожалуйста, – золотоносный палец указал на Шурика. – И впредь прошу!..

– А я при чем? – спросила беленькая официантка, убирая со стола опустевший графинчик.

– Но ведь вы мне сказали – сюда...

– Ничего я не говорила!

Назревал конфликт. Она оглядела переполненный зал и Шурика. Оценив его вместе со всеми потрохами весьма невысоко, вздохнула: «Иди за мной!». Придвинула стул к сервировочному столику возле портьеры, отделяющей от зала служебное помещение. Принесла, не спрашивая, бульон с яйцом, котлету с поджаренным картофелем и стакан кисловатого напитка.

– Хлеб вот!.. – раздался рядом уже знакомый голос.

Но хлебницу поставить было некуда. И Любаша, не особо церемонясь, сунула ее Шурику в левую руку, чтобы подержал, пока сдвинет посуду. Шурик изо всех сил напряг слабые пальцы, но хлебница все равно шлепнулась на котлету.

– Ты чего это?

Шурик сконфуженно забормотал что-то про свой недуг, про смерть матери, про то, что ему бы только поесть по-человечески, желудок, мол, уже...

Бровки Любаша сошлись к переносице. Она смотрела на него внимательно, слушала, думая о своем.

– А живешь далеко?

– Рядом, через два дома.

– Так-так!.. – она что-то решила для себя, оторвала листок от блокнотика: – Адрес говори!

– Зачем?

– Через день, в свою смену, буду заходить и приносить еду.

Шурик прямо запунцовел:

– Ну что вы?! Может, я сам? А вообще, вы меня так бы выручили! О, конечно, это лучший выход. Сюда мне сложно, – он хихикнул, – тут я не в своей тарелке... Вы не беспокойтесь, я кредитоспособен. Заплачу, сколько надо. А что брюки не глажены, так рука...

– Ну, не за бесплатно, конечно.

Она спрятала листочек в нагрудный кармашек.

Шурик проводил бумажку взглядом, отметив высокий Любашин бюст – но не как предмет соблазнительный, а как деталь, к примеру, древнегреческой статуи.

– Ждите около семи. Пока народ не повалит. Устроит?

– Да-да-да! Конечно. Спасибо огромное!

Потом, прозрев, он понял, что кормила она его объедками с чужих столов за полновесную, разумеется, копеечку. Но это – потом. А первый вечер был праздничным, освященным пятиминутным появлением Женщины в его запущенной квартире.

Ну не сказать, чтобы – грязь... Пол он вымыл. Пыль смахнул. Постель была не первой свежести, но того ж под покрывалом не видно.

Он знал, что со временем запустение настигнет его дом, но пока матушкина тень помогала ему.

Любаша вошла в квартиру, наполнив ее запахами еды и сирени:

– Бабка возле подъезда продавала.

И до Шурика дошло, что, оказывается, уже весна. Любаша отломила душистую белую кисточку:

– А это тебе. Есть куда поставить?

Шурик засуетился в поисках подходящей вазочки. Не нашел.

– Я пока в стакан поставлю, ладно? А потом отыщу...

И вдруг, спохватившись, продемонстрировал галантность: – Это я должен был бы цветы дарить! Пожалуйста, включите в счет. – Он испугался, что покажется нахалом, и потому повторил просительно: – Пожалуйста...

Любаша кивнула.

Два месяца она регулярно забегала на несколько минут. Иногда всего лишь меняла порожнюю посуду на полную, иногда присаживалась перед телевизором, ожидая, пока Шурик съест принесенное. Тогда он торопился, переживал за нее: еще чуть-чуть и начальство спохватится, и клиенты заскандалят...

Конечно, хорошо, что проблемы с питанием уменьшились. Но это хорошее оказывалось с другой стороны тяжеловатым. В финансовом плане. На еду, получалось, уходила почти вся его бухгалтерская зарплата. И вот уже, когда он почти решил отказаться от Любашиних услуг, избрав безобидный повод, отъезд в придуманную длительную командировку, все изменилось. Кстати, Шурику командировку и правда предлагали, но он представил себе тягостную самолетно-гостиничную суету и уступил столичный вояж коллеге.

Он немного волновался: как Любаша воспримет его отказ? Хотя, может, и ей надоели хлопоты с Шурикиным питанием – срывайся с работы, беги, тащи судочки... Но как раз в этот день что-то изменилось, Любашин взгляд стал синее и ласковее. Она не устала тут же в экран «Рубина», а присела рядом, стала расспрашивать про работу. Шурик пытался отвечать с набитым ртом, но она касаясь его слабой руки, улыбалась:

– Ты ешь, ешь, не спеши, я сама чего-нибудь расскажу, чтобы не скучно было, а то хожу, хожу все, а ничего друг о друге не знаем.

От таких добрых слов Шурик поперхнулся, закашлялся. И Любаша хлопнула его по спине:

– Ну бывает, бывает... Как? Полегчало?

А случилось вот что: Любаша вдруг прозрела – безбидный мужичонка с квартирой в центре города. Хорошая квартира, двухкомнатная. Квартира Любаше нужна была позарез. В отчем доме друг у друга на головах сидели. Престижное замужество ну никак не получалось. Что взять с ресторанных посетителей кроме чаевых? Правда, на собственное жилье в спальном районе она уже насобираала. Но жалко отдавать накопленное лишь за крышу над головой. А что мужичок убогий, это даже неплохо. Будет знать свой шесток.

Любаша еще раз заглянула в глаза Шурика и запросила за ужин сущие копейки. Он улыбнулся и вложил в оттопыренный кармашек еще пару бумажек. А бутерброд с черной икрой она оставила в холодильнике. На завтрак.

События развивались стремительно. Любаша становилась все ласковее. Шурикин пульс к моменту ее прихода достигал сотни ударов в минуту. Он верил и не верил в благосклонность красавицы.

Как-то, раскладывая еду на тарелочки, Любаша стала жаловаться на тяжелую работу: «Ноги гудят...». И, сняв туфельку, дотянулась ступней до тахты, погладила ногу, помассировала.

– Ох! Не знаю, как и до дома доберусь...

У Шурикахватило ума, затаив дыхание, принять правила игры:

– Хотите, я вызову такси? Или лучше оставайтесь у меня. Места хватит. Не волнуйтесь, вы здесь в полной безопасности.

Любашины губки чуть изогнулась – то ли улыбнулась, то ли скривилась скептически. Шурик подумал, что, наверное, «опасность» ее устроила бы больше, и опять кровь бросилась в лицо.

Любаша зевнула:

– И впрямь остаться, что ли? Уж не первый день знакомы...

Шурик похвалил себя за то, что в прачечную не поленился вчера зайти и достал из шифоньера белье, еще пахнущее «морозной свежестью».

– Давай, я сама, мне сподручнее.

– Ну, устраивайтесь, располагайтесь, а я пойду туда, – он кивнул в сторону второй комнаты.

Любаша была занята постелью и не ответила.

Утром он проснулся оттого, что не хватало воздуха. Нос был забит чем-то пахнущим кухней. А рука?.. Он приходил в себя. Рука лежала на упругой и чуть влажной женской груди. Все встало на свои места. Любаша же!.. Но возник вопрос – как быть дальше? Про запросы ресторанных девочек он был наслышан. Придется залезать в долги. Шурик осторожно отодвинулся, посмотрел на спящую – хороша, и пошел умываться, кипятить чай. Любашу пришлось будить.

– Извини... – тут Шурик, не привыкший произносить нежные слова, запнулся. – Извини, дорогая моя, но мне на работу пора.

– Выметаться что ли? – спросонок пробормотала Любаша.

– Нет, нет, отдыхай. Я только два слова скажу. Ключи вторые, матушкины, здесь, на тумбочке. Чай я заварил. Что в холодильнике найдешь – кушай.

Вечером он нажал кнопку звонка своей двери. А вдруг она еще там? Представил ее в халатике с мокрыми после душа волосами. Но шагов слышно не было, и цепочка не звякнула. Хотя некая неожиданность все-таки была. Вымыты полы, начищена до блеска плита, а главное – деньги лежали на тумбочке, как и утром.

Шурик ходил по квартире, будто в гостях. Заглянул во вторую комнату, которую считал кабинетом. Нахмурился. Исчезли милые его сердцу книжно-журнальные завалы, до которых даже матушке не позволялось дотрагиваться. Вернее не исчезли, а обрели вид упорядоченных кип. А блокноты, записи? Неужто она их читала? Там же весьма нелестные замечания были даже о «Войне и мире», не говоря уж про современные опусы.

Но в тот раз Любаше было не до тетрадок. Она вкалывала как бульдозер, только бы успеть разгрести грязь, чтоб почуял Шурик, что значит женщина в доме, а то знает она нынешних холостяков – изноются, что одиночки, но жениться – ни-ни!..

Свадьба была в ресторане. Коли б матушка видела Шурикин триумф! Аж трех молочных поросят в кольцах помидоров и лука, зажаренных в его честь!.. Господи, что уж теперь травить душу! Но, если по-честному, был счастлив? Был. Пусть хоть неделю. А если б не Любаша, может, до конца жизни, небогатой внешними событиями, и вспомнить нечего было бы.

Первым ударом после свадебной эйфории стало следующее. Приходит Шурик домой с работы, Любаши нет, а борщ восхитительно ароматный – на плите. Он наливает его в тарелку, идет в кабинет за «Огоньком», чтобы удовольствие было еще полнее. Но не находит там не только свежего «Огонька», но и прошлогодней стопки «Дружбы народов», и еще кое-чего.

Шурик от расстройства, где стоял, там и сел. Сидел и гадал, в макулатуру женошка журналы отволокла, или просто в мусоропровод спустила? Какой уж тут борщ?! Так и остыл... К счастью, с журналами тогда обошлось. Любаша всего лишь пьянчужке знакомому их подарила. А тот не успел бумажную кипу в будку вторсырья сдать. Правда, пришлось мужичку за возврат бутылек поставить. Любаша сильно негодовала. Однако в тот раз она его еще «ублюдком убогим» не называла. Пыталась по-хорошему.

Он попробовал приподнять ее до своих духовных высот. Тем более, что повод подвернулся завоевать авторитет жены навечно. Черным по белому в обзоре критических писем были напечатаны его имя и фамилия. Да с каким уважением! Бережно, ни одной запятой не нарушив, приведен десяток строчек из его письма. Того самого, в котором он пожурил серьезного автора после встречи с читателями, транслировавшейся по телевизору. Мол, наш дорогой классик говорит, что огорчает его современная проза, взгляда остановить не на чем. Так почему бы ему не взять, да и не создать произведения выдающегося, коли уж числит себя среди ведущих писателей. И такие фразы красивые получились! Недаром их выбрали среди тысяч писем.

– Любаша, посмотри, это же я, Александр Тилепин! – Его голос чуть ли не на дискант сорвался от восторга.

– Ну и что? – спросила она, снимая с лица дневной грим, и дернула плечиком, перерезанным бретелькой. – Кому это бумагомарание нужно? И вообще, не выпендривайся!

Журчащее «Шуричек» сменилось на «Шу-рик», почему-то похожее на «ханурик». И, что самое печальное, ближе к ночи Любаша стала жаловаться на недомогание. Так, ничего серьезного, устала, наверное, но лучше б ее не трогать. Кончился медовый месяц.

Совсем протрезвел Шурик, когда зашел за женой в субботу, минералку домой забрать. А она буфетчицу заболевшую подменяла в приресторанном киоске.

Шурик сидел за Любашиной спиной и смотрел, как споро та отвешивала продукты. Но вдруг что-то насторожило его. «Нечаянно она...» – подумал Шурик. «Случайно?...» – спросил себя чуть позже. «Ну нет!» – ответил себе же в следующий раз. Вот... Теперь сосиски отпускает... Килограмм, переваливаясь с чаши весов в пакет, потерял одну «по дороге». А за стеклом витрины бабулька в пестром платочке не увидела утраты.

– Вот так да! – пробормотал Шурик и воскликнул: – Ой, Любаша, у тебя сосиска упала!

– Где? Ах эта!.. – Любаша сунула ее в пакет и через плечо бросила супругу: – А ты что тут делаешь? Нельзя посторонним за прилавком находиться. Сейчас выговор влепят. Марш домой!

Как раз тут на Шурика и нашло просветление – осознал, что кормила она его первые два месяца объедками. Ну, не заболел и ладно, дело прошлое. Только как жить дальше?

Первое, что взбрело на ум – развестись. Однако загвоздочка получалась. Любаша уже и прописаться у него успела. А судиться с нею и выгнать пытаться – это только для очень здоровых физически и непробиваемых морально. Можно, правда, плюнуть на свои нравственные принципы. Кормят, прибирают, даже иногда в постельку к теплему бочку допускают. Чем не жизнь? Шурику бы подошла. Но Александру Тилепину?!.. Здесь ведь как? Коготок увяз – и птичке конец. Он уже чувствовал, что начинает сдавать позиции. Скоро кабинет станет спальней. Журналы, сколько поместятся, перекочают на антресоли. Остальные – в мусорку. Он уже вчера не нашел одного, и подозрение закралось в душу: коли не удалось Любаше враз избавиться от «хлама», она по штучке выкидывает мужниных любимцев, а потом невинно хлопает ресницами: «Не знаю, не знаю, ищи получше». И отвернувшись, ухмыляется, наверное...

Шурик ощущал, как терялся смысл существования. Его дом рушился, Любашин – возводился.

Она тоже размышляла день и ночь. Вот ведь какой настырный попался. На вид – лапша лапшой, а упрямства на пятерых хватит. Далась ему эта макулатура! Умника из себя строит, ли-те-ра-ту-ро-вед! Обездолил ее на целую комнату. Выход был найден Любашей в виде тетрадного листочка, приколотого к столбу заржавленной кнопкой: «Детсаду требуется на постоянную работу дворник-охранник. Служебное помещение для жилья предоставляется...» Открывалась масса возможностей. Если и не удастся совсем Шурика туда выпихнуть, то хоть большую часть недели он будет ночевать в детсаду. А то оба Любашиных давних поклонника – она не выносила слова «клиенты» в данном контексте! – извелись, соскучились.

Вечером Любаша начала ласковую атаку.

– Шуричек, ты не хотел бы по совместительству дворником устроиться?

– Зачем? – опешил он.

– Тебе бы на курорт следующим летом съездить... здоровье поправить. Серый вон какой. А туда деньги нужны.

– Может быть... А где?..

И когда выслушал Любашу, вдруг подумал, что давно втуне мечтал о чем-нибудь подобном, не привязанном жестко к служебному распорядку, не под бдительным оком начальника. Это ж почти – быть свободным художником. Не отвлекаясь на «летучки» и отчеты. ВСЕ время отдавать любимой литературе.

И Шурик огорошил жену:

– Любаша, я бы с удовольствием вообще из треста уволился. Надоело.

– Да? А зарплата как же?

– Жил без курортов и дальше проживу. А мне, знаешь ведь, немного нужно.

– Смотри сам. Но на мои деньги не вздумай рассчитывать!

– Да не бойся, – оскорбился Шурик, – не нужны мне твои грязные!.. Видел, как ты сосисками орудовала!

– Ну и что? Чистоплюй, – фыркнула Любаша и хлопнула дверь ванной, обрывая разговор.

Так Шурик, а с ним и журнальные кипы, перекочевали в детсадовскую каморку. Сначала заведующая опасалась, справится ли с дворницкой работой полуторарукий интеллигент – даже

испытательный срок назначила. А потом сама же и хвалила его за добросовестность.

Любаша была довольна вполне. Так и зажили. Спокойно и удобно.

Шурику, конечно, пришлось пойти на компромисс, но Литература стоила того! Логичность сюжетных ходов ждала его исследований, междоусобные сражения писательских группировок развлекали.

Он перебирал свой архив. Пронумеровал ответ, полученный из «АиФ», сложил листочек с грифом в папку. Проверил, по датам ли разложены копии его посланий литераторам. Выбилось из стопки письмо Симону Лахвари. Шурик перечитал его, довольный стилем и образностью своего мышления. Но жаль – ответа не пришло. Много корреспонденции уходило в никуда. Вот и это письмо... Конечно, могло и случиться что-либо с писателем. Все под Богом ходим. Но тогда прекрасный сюжет пропадал. А это недопустимо. Следовало передарить его кому-нибудь другому.

Идея, которая вполне могла лечь в основу фантастического рассказа, а то и повести, явилась Шурику во сне.

Земляне во главе с командиром космического корабля Бенни Хьюдом (не правда ли, имя напоминает о Робине Гуде?) застают на слабо цивилизованной планете вой-ну. Бенни призывает неразумных опомниться, а те – ноль внимания. Тогда земляне придумали: как только аборигены хватаются за оружие, включается антигравитатор. И беспомощные человечки, потеряв тяжесть и координацию, плавают вперемешку с врагами и булавами над полем боя, способные разве что на свирепые взгляды и дикую ругань. Так обходится без кровопролитий. Десяток сеансов – и все поколение драчунов отучается от битв.

А назвать произведение Шурик предлагал «Антибоин». Каково? Правда, без любви даже в фантастике скучновато. Но это дело поправимое. Пусть, к примеру, будет так: очаровательная аборигенка случайно взмывает в невесомости под облака. А когда выключается антибоин, девушке грозит гибель. И это замечает командир Бенни. В последнее мгновение он алой молнией на своем воздушном катерке устремляется к ней, ловит– спасает, прижимает лиловоглазую к своему горячему сердцу...

Ай да Шурик! Ай да сукин сын!..

Нет, такому сюжету пропасть никак нельзя. Надо подкинуть его кому-нибудь из молодежи. На мэтров и так работают целые штаты.

Подумаем, кто у нас есть? Вот, Лариса Алаторцева. Перспективная, молодая, есть чувство стиля... И отвечала с благодарностью на его письма. Лестно ей, что замечена читателем, оценена положительно. Не заелась еще девочка. Вот ей и поможем. Вдруг с Ларисиной подачи «Антибоин» войдет в антологию фантастики?

Шурик внимательно перечитал письмо, проверяя синтаксис, подписался весомо – «Александр Тилепин» и заклеил конверт.

2

Кто-то начинает новую жизнь с первого января, кто-то – с ближайшего понедельника.

Лариса Алаторцева связывала жизненные планы – от смены работы до разрыва затянувшейся любовной связи – с грядущим вступлением в Союз писателей.

Давно бы перешла в редакцию журнала или издательства. Но кому она нужна там сейчас? Со своим высшим техническим!? Пусть даже публикуется в периодике... пусть книжечка рассказов вышла и вторая на подходе... Мало ли что? Этим сейчас никого не удивишь – были бы финансы. А с членом СП разговор совсем иной. Признанный писательский профессионализм немало значит. Лариса представляла удивление дам своего отдела. Как? Алаторцева – писательница? Вот бы никогда не подумали! А может, они догадываются, но молчат? Неужели не встречали ее рассказов? Два-три раза в год Ларисина фамилия появлялась на страницах популярных газет, журналов. Скорее всего, встречали, но никак не сопоставляли с молчаливым инженером по стандартизации технической документации. Думали, однофамилица. Слишком велик разрыв между ГОСТами и Ларисиными историями, балансировавшими между сказкой и реальностью.

Недавно она закончила новый рассказ и отнесла его в журнал. Юрий Ильич, как всегда, улыбнулся благосклонно и немного загадочно: «Чем порадуете? Опять романтика?». Лариса кивнула, ловя себя на желании извиниться за однотемность. Главред постукал пальцем по столу: «Но, понимаете ли, нам нужны самые разные планы и жанры. Сейчас в редакторском портфеле сложился дефицит фантастики. Так не хотите ли попробовать себя на этой стезе?». «Не знаю, не уверена...». Она подумала, что, скорее всего, и пытаться не будет. Зачем вымучивать из себя не соответствующее характеру. Хотела уже

отказаться, чтобы и не рассчитывали на нее. Но вдруг тогда Юрий Ильич сделает вывод о профессиональной несостоятельности Алаторцевой и откажется дать рекомендацию для вступления в Союз? А Лариса очень на нее надеялась. «Я попробую, ладно?». «Хорошо. Только, пожалуйста, поторопитесь. У нас в десятом номере «окно». Страничек на восемь. Не больше. Договорились?».

Неделю Лариса без особого энтузиазма пыталась конструировать фантастические сюжеты. Не хватало то ли ума, то ли вдохновения. Она и поругивала, и вяло уговаривала себя. Без толку.

– Ларисонька, а что ж ты почту не достала, когда домой шла? – спросила мама. – Или не было ничего?

– Ой, задумалась что-то... сейчас!

Она снова спустилась на первый этаж, открыла узкую дверку.

Из газеты торчал кончик конверта. Неужели от Игоря? Такой подвиг для него – писать, идти на почту... Сердце трепыхнулось – пропустило такт и ударило с удвоенной силой. Зря. Под неровными будто смазанными строчками обратного адреса, было выведено «Александр Тилепин».

– Ах, все еще он, – вздохнула Лариса.

Этот Тилепин написал ей впервые года четыре назад. После ее журнального дебюта – рассказа с фотоснимком, как полагается. И хоть фотографировалась она тогда же, получилась совсем девчонкой – глаза нараспашку, россыпь светлых волос и наивная улыбка, не тянущая на тридцать прожитых. Она ликовала от первого читательского одобрения, как школьница, получившая пятерку за трудное задание. Правда, были в письме и критические фразы про некоторую рыхлость композиции. Лариса и сама видела недостатки. Все дело в том, что видеть – видела, а как поправить написанное не знала. Ломать рассказ, чтобы облечь сюжет в лучшую форму для последующего размещения в сборнике? Перекраивать поступки героев? Это словно резать по живому. Может, в дальнейшем получится лучше...

Лариса послала Тилепину ответ с благодарностью за внимание. Потом снова письмо получила. Он спрашивал, каких писателей Лариса ценит более других. А в следующем сравнивал свои и Ларисины пристрастия, присовокупив информацию о своем возрасте и профессии. Она показала письмо маме. И зря. Потому что мама смотрела на все, происходящее с дочкой, через призму возможного замужества.

– Ну, Ларисонька, он просто заочно в тебя влюбился. На Фотографии увидел красавицу. И рассказ такой милый!..

А Лариса к тому времени все поняла про Игоря и пыталась настроиться на неизбежное расставание. Вообразила себе заинтересованного ее творчеством (ею?) инженера средних лет. Не такого, как Игореша, каланчу астенического сложения, а напротив, человека крепкого в кости, твердо стоящего на ногах, с прямым взглядом, уверенного. И так как воображения было не занимать, она уже беседовала с ним по дороге на работу. Когда говорила за себя – молча, разумеется, – двигалась походкой привычно летящей, вскинув на плечо ремешок от сумки, а когда – за него, шагала медленней, устойчивей, неся сумку будто портфель. И со стороны это выглядело немного забавно.

Но Ларисина полуигра враз закончилась. В очередном письме Александр Тилепин просил ответить на ряд вопросов о творческом процессе в ее жизни. Был там, например, такой: «В какое время суток вам лучше пишется?». Ну и тому подобная чепуха. Если бы не дальнейший текст, она, наверное, села бы вечером и добросовестно попыталась проанализировать моменты взлета вдохновения, когда уверена, что единственно нужные слова ложатся на свои места, а людей в рассказах не надо уговаривать произнести хоть фразу, они сами торопятся высказаться, и тут главное – не помешать им. Но... Лариса дочитала послание до конца, и ей стало ужасно скучно. Ни о какой переписке теперь и речи быть не могло. Оказывается, этот А. Тилепин писал не только ей. Его корреспондентами были многие известные авторы. И спрашивал он их примерно о том же. Из интереса к литературному процессу. Хобби, значит, у А. Тилепина такое. Каждому свое. Это интеллектуальнее коллекционирования пуговиц. Казалось, Лариса должна была быть польщена, что попала – хотя бы лишь в умозаключениях Тилепина – в столь избранное общество. Но почему-то не льстило. Она предпочла бы, чтобы к ней относились именно как к Ларисе Алаторцевой, без дурацких сопоставлений. Отвечать расхотелось, и принуждать себя она не стала.

Тилепин последний раз прислал открытку-поздравление ко Дню печати. Теперь – снова конверт. Она хотела выкинуть, не распечатывая. Переехала – так переехала. И письма, мол, не получала. Потом подумала: а вдруг там нечто важное для него, просьба какая-нибудь? Обозвала себя бессовестной и вскрыла конверт.

Вот чудак! Теперь он ей сюжет фантастического рассказа прислал. Зачем? Она же не пишет фантастики. И тут же вспомнила Юрия Ильича со своим почти безнадежным: «Я попробую...». Так, может, это письмо – подарок судьбы? Удача? А Тилепин – ясновидящее чудо природы? Неужели не сыщется у нее минимального профессионализма, чтобы засучить рукава и приняться за работу, поблагодарив ушедшего в тень Александра – взял бы да и написал сам этот рассказ! Она сама не заметила, как увлеклась. Тилепинский подкидыш стал родным и воспитанным ею дитем. Но – все-таки первый опыт. Показать бы кому-нибудь из фантастов... Редактор пока единственного Ларисинового сборника Тамара Комарова упоминала как-то, что бывает на «четвергах» у Симона Лахвари, предлагала и ее с собой захватить. Но Лариса постеснялась, а теперь жалеет. Одно дело – принести рукопись знакомому и обсудить ее за чашкой чая, а другое – договариваться о встрече с человеком совершенно посторонним и, наверняка, очень занятым.

Лариса позвонила Комаровой. Та оказалась в отпуске. Ну что ж, Юрий Ильич прочитает первым. И еще останется немного времени на доработку. Название Лариса оставила предложенное Тилепиным. Имя героя немного изменила. Потому что слышала недавно в издательстве разговор: «...болезнь начинающих фантастов – всех героев наделяют импортными именами и думают, что тем самым приближаются к Брэдли с Кларком...». Вместо Бенни Хьюда командиром экипажа стал Гарри Бенишев. Нейтральное имя, и немного от Гарьки-Игоря отсвечивает.

Юрий Ильич «Антибоин» прочитал, принял и даже сказал: «Неплохо для начала», что в его устах прозвучало почти хвалебной песнью. Тогда Лариса сочла своевременным и разговор о рекомендации в Союз.

– Юрий Ильич, я мало с кем знакома из писателей... вы первым читали почти все... Я не знаю... мне хотелось бы, чтобы именно вы рекомендовали...

– Хорошо, Лариса, заходите через месяц. Не поздно будет?

– Нет-нет...

После недельной отлучки Ларису, как всегда, встретили на работе доброжелательные вопросы:

– Ну, как там бабушка?

Лариса что-то неопределенно промямлила, попыталась отделаться междометиями.

В отделе к ней относились хорошо. И вранья ее вовсе не заслуживали. Но что поделать? Только намекни, что летала, в счет отпуска, к другу-жениху-любовнику – покоя не будет. Пусть лучше ничего не знают и втихомолку обзывают «старой девой».

Наконец-то закончили чаевничать, приумолкли, погрузившись в дела. Легкая болтовня отвлекла Ларису от ноющих мыслей. Но стоило остаться наедине с бумажками, сразу вспомнила прощальный Игорев поцелуй, спокойный до невыносимости. «Ну, как надумаешь, прилетай снова. После того, как ты кухню драишь, у меня тараканы на полгода исчезают, я засекал». Он засекал! И что ж? Если бы она периодически не выводила тараканов, Игорь еще прохладнее относился бы к ее наездам!? О! Верно, не следовало стараться и наводить блеск в Гарькиной квартире, через месяц забегали бы прусаки, и он вспомнил бы о Ларисе. Пусть. Теперь пусть забывает. Еще немного – вступит в Союз, родит себе ребенка, и потом черт с ним, с Игорем Князевым.

Раньше, возвращаясь домой, она думала: хоть бы пронесло, только бы не забеременеть. Но скоро она все переиначит! И не прервется род Алаторцевых, и будет для кого ей здравствовать дальше. Резонен вопрос: а нужно ли для этого лететь за семь сотен верст? А если Игорь обрадовался бы ребенку? Нет, из-за душевной лениности ему не нужен рядом никто, требующий заботы. Хотя свою фамилию он, наверное, дать сыну не отказался бы. Игорь Князев-младший! Ну и раз мечталась...

Игорь Князев. Такое почти случайное сочетание имени и фамилии оказалось решающим.

К последнему школьному лету у большинства Ларисиных одноклассниц появились мальчики. Ларису это не очень волновало – успеется. А вот Люда из соседнего подъезда очень переживала, что вдруг никому не приглянется. Так вот, однажды Люда задержалась у Ларисы дотемна. Они смотрели с балкона на ночное небо, придумывали созвездиям собственные названия, и вдруг Люда говорит:

– А если мы вообще замуж не выйдем?

Помолчали.

Лариса уже думала о другом. По «Маяку» передавали отрывки из опер, и она вспомнила, как зимой с родителями слушала в театре «Князя Игоря». Но Люда будто заклинилась на одной мысли:

– Ларис, ну скажи, тебе хоть кто-нибудь нравится?

– Князь Игорь, – машинально ответила она, представив красивого – с тридцатого-то ряда! – актера.

– Кто-кто? Князев? А он из какого класса?

И вот тут случился зигзаг. Ну что бы Ларисе не рассмеяться и не рассказать про оперу? Нет, будто за язык дернули, выпалила:

– Не из класса. Студент он. Из политехнического.

– Откуда же ты?..

– Это папины знакомые...

Получается, что она – врунья. Или фантазерка? Расписывая Люде достоинства Игоря Князева, Лариса потихоньку влюблялась в плод собственной фантазии. Уже вроде бы не только она, но и он души в ней не чаял. А когда говорила, что, наконец, Игорь решился ее поцеловать в подъезде, провожая после кино, почувствовала, как чаще забилось сердце. У Люды глаза будто вдвое больше стали от любопытства:

– Ой, по-настоящему?

– Нет, пока нет, – успокоила она подругу и молча выругала себя за прорвавшуюся нотку превосходства.

Окончив школу, Люда уехала. И когда при встрече, лет через пять, спросила: «Ну, как там твой Князев?», Лариса словно споткнулась: «Разве ты его знаешь?», напроць забыв свои полудетские придумки – реальный Игорь ждал ее с билетами у филармонии, а соседский пацаненок уже однажды прокричал им вслед: «Тили-тили-тесто, жених и невеста».

Увидела она его впервые на институтской спартакиаде. Отдыхая после кросса, смотрела на баскетбольную игру. И вдруг над ухом:

– Давай, Князь, дави их! Молоток – Игорешка!

Лариса не сразу нашла, кому адресованы восторги болельщиков. Ага! Это тот длинный, в синей майке с девяткой. И днем позже вовремя оказалась неподалеку, достигаемая для приглашения общими знакомыми – мороженым и «Фантой» отметить призовые места. Дальше все получилось естественно: почти случайно опустилась на плетеный стульчик напротив Игоря. И не случайно выглядела, насколько могла, привлекательной. Никуда ему было от Ларисы не деться. Но делся. Почти исчез, лишь двумерность маленькой фотографии осталась...

Ираида Львовна только-только намазала лицо питательным кремом и, вклепывая его в распаренную кожу, удобно устроилась в кресле. А тут звонок. Она раздраженно глянула в сторону двери: «Ну что за день сегодня? Кого опять черти принесли? Ни раньше, ни позже! Может, не открывать? Жалко крем...» Но посетитель попался настырный – не успевала отзвенеть трель, звонок включался снова. Ираида Львовна посмотрела в дверной глазок – черты лица исказились, но милицейская фуражка подсказывала, что ее обладатель – участковый инспектор, а раз так – никуда не деться. Ираида Львовна отерла лицо салфеткой и с лучезарной улыбкой распахнула дверь:

– Ах, простите, сразу не услышала звонок – стираю в ванной, вода льется...

– Ничего, ничего. Я ненадолго.

Хозяйка лишь сейчас заметила, что за широкой милицейской спиной маячит мелкая фигура их нового почтальона.

– Гражданка Сурепкина?

– Нет, Сурепкин – мой муж. Я – Юсупова.

– Муж на работе сейчас?

– Да, собственно... Он в издательство пошел. Скоро будет.

– Кто еще с вами здесь проживает, и кто прописан?

– Никто.

– А вот этот товарищ утверждает, что здесь, кроме вас двоих, проживает еще Симон Лахвари, которому поступает основная масса корреспонденции. И он у вас не зарегистрирован! Что скажете?

Ираида Львовна облегченно вздохнула, улыбнулась еще раз и заговорила тоном учительницы начальных классов:

– О, наш милый почтальон бдит не там, где следует. Мой супруг – известный писатель. А знаете ли вы, что писателям свойственно работать под псевдонимами. Гайдар, Ахматова, Чуковский...

– Да? И «Чуковский» – псевдоним? Вот не знал! – с детской непосредственностью воскликнул участковый. – Ну, если писатель... А что он пишет?

– Фантастические романы! – гордо провозгласила хозяйка.

– О! Как интересно!

Оставшись одна, Ираида Львовна снова намазалась кремом, накрыла лицо горячим махровым полотенцем и погрузилась в полудрему. Сейчас Семочка уже привык к псевдониму, сросся с ним. А ведь это она придумала его, такой необычный и звучный, она

собственными руками создала имидж Симона Лахвари. Нельзя ведь – обложка космического романа и вдруг такая плебейская нашлепка: «Семен Сурепкин». Неэстетично. Снижается уровень восприятия, а значит, и ценность в глазах общественности.

Ее тетка жила в Тбилиси и упоминала как-то про древний грузинский род Амилахвари. Звучная фамилия пришлась Ираиде по душе. Но прямо так, «Амилахвари», подписываться было, наверное, рискованно. Горячим кавказцам могло не понравиться присвоение имени. А вот слегка изменить или, на худой конец, усечь – не возбранялось. И уж «Семена» переделать в «Симона» для завершенности образа было делом совсем пустяковым.

Она высмотрела себе Сурепкина на четвертом курсе, вдруг заметив новенького на узкоспециальных лекциях по филологии. «Кто такой?». «С физфака, кажется». «А у нас что делает?». «Ерундит. Интересуется просто, вроде бы!» И дальше шло пожимание плечами. Странный молодой человек. Но, с другой стороны, жалко, что ли? Ходит, и пусть ходит. Никому не мешает. Внешними данными Семочка не смог бы привлечь внимание Ираиды. А вот загадочностью поведения – пожалуй!.. Нормальные студенты только и думали, как бы слинять с лекций, этот же чудик сдает досрочно лабораторные по оптике, выкраивая часы, чтобы посидеть у них. Да еще затевает дискуссии с преподавателями. Впрочем, все к лучшему. Ирочкина группа с большим уважением стала относиться к своей специальности. А сама она, узнав, что Сурепкин уже публикует рассказы в местной прессе, решила заняться им всерьез. Сделала ставку, вообразив, что призвание ее жизни – быть женой известного писателя.

Увы, Сурепкин оказался женатым. Как быть? Ирочке было достаточно единожды представить себя хозяйкой «литературных четвергов» в доме маститого прозаика, каковым Семочка обещал стать, и отказаться от него стало немыслимым. Подумаешь – жена! Поженились – разойдутся. С крошечной дочкой сложнее – алименты платить до восемнадцати. Но надо во всем видеть положительные факторы. Здесь положительным было то, что Ираиде можно было не рожать детей. Есть дочка – и хватит. То есть потребность Семена в воспроизведении потомства удовлетворена, отцовское чувство есть на кого расходовать. А свой ребенок? Столько хлопот, бессонных ночей, денег, наконец... Куда там алиментам! И потом: с дитем разве могут

быть нормальными условия для творческой работы? Для воплощения гениальных Сенечкиных замыслов?

Ираида так и сказала, едва почувствовав его к ней симпатию:

– Милый Сема, до каких пор ты будешь мучиться вечерами в читалке или «красном уголке»? Женись на мне, и я обеспечу тебе все условия для творческого роста.

При этом она иронично улыбалась, чтобы можно было все перевести в шутку.

И хотя Сурепкин по молодости не замечал, где он пишет и кто вокруг – было бы что-то в голове, он, ничуть не сопротивляясь, позволил увести себя из семейного общежития в просторную квартиру Ирочкиных родителей, с девичьей, превратившейся в его личный – мечталось ли? – кабинет.

Лишь теперь – стареет, наверное! – Симон Лахвари стал привередлив к рабочей обстановке. Здесь чувство вины кольнуло Ираиду Львовну, поскольку минувшей весной, пока супруг отдыхал и работал в Доме творчества, она приготовила ему сюрприз – сделала ремонт кабинета. Знала бы, чем это окончится, ни за что не взвалила бы лишние хлопоты на свои хрупкие плечи. Мастера успели, завершили ремонт к возвращению Семочки. Чисто. Светло. Но он, сев к письменному столу, за две недели не смог выжать из себя ни страницы. Видите ли, на старых обоях были причудливые рисунки – то ли иероглифы, то ли иные финтифлюшки, которые стимулировали творческий процесс. А новые, с простым узором, притупляли воображение, раздражали. Через месяц обычно уравновешенный Сурепкин закатил жене форменную истерику на тему: «Как ты могла, не посоветовавшись со мной, покупать обои?!». Потом он извинялся, говорил, что, скорее всего, сам виноват, и не в обоях дело, а это он попросту исписался. И больше никогда ничего не создаст! Ираида Львовна не знала, что и делать.

Плановый сборник фантастики с заявленным и утвержденным объемом уже отнесен в издательство. Вовремя. И у редактора, Комаровой, нет к качеству будущей книги практически никаких претензий. Разве что один рассказ выбивается из ряда своей примитивностью. Так это случалось и у классиков. Но дело было несколько в другом. Рассказ был «рыбой». Написанный еще в студенчестве и опубликованный давным-давно единожды в молодежном сборнике, он уже основательно пообтрепался от

блуждания по разным папкам. Сурепкин-Лахвари добавлял его к своим новым произведениям, относимым в издательство, для увеличения объема. А пока суд да дело, Семен Львович писал свежий рассказ и заменял им «рыбу». Просто и удобно. Но тут отлаженная схема готова была дать сбой. Не творилось. Лахвари дергался. Ираида чуть не плакала, глядя на него.

– Семочка, да Бог с ним, с рассказом. Выкинь и все. Не обеднеем.

Семен Львович закипал раздражением:

– Тебе легко выкинуть!.. А был бы твоим!..

– Ну не выкидывай, оставь. Пусть будет, как есть.

– Чтобы сказали, что из-под пера Мастера уже всякая дрянь полезла?.. Что исписался?.. – И уже тише, почти обреченно, добавил: – И правда. Ни одной идеи...

– Нет! Неправда! – негодуяще закричала Ираида Львовна.

И вдруг у нее возникла интересная мысль.

– Милый, походи погуляй. Тебе надо развеяться. Если в кино ничего путного, сходи к кому-нибудь в гости. Или, на худой конец, просто дойди до парка и три раза прокатись на «чертовом колесе». Постарайся ни о чем плохом не думать. Глядишь – и образуется все.

А что? Идея не лишена смысла. Надо встряхнуться. Сурепкин привык доверять жене и в стратегии, и в тактике.

Ираида Львовна, выпроводив его, достала коробку с письмами читателей. В них она ориентировалась куда лучше супруга. Среди регулярно пишущих был такой – Александр Тилепин.

Сначала Ираида Львовна отвечала ему на каждое послание. Ее даже забавляли наивно-мудрствующие высказывания и вопросы. Она, изображая из себя известного прозаика, строчила на красивых листах из почтового набора о своем творческом становлении, о писательских привычках и режиме дня, придумала даже оригинальное кредо. Потом наскучило. Бегло просматривая очередное письмо, Ираида Львовна бросала его в быстро заполняющуюся коробку. И вот среди оставленных без ответа, она припоминает, мелькнул какой-то фантастический сюжет. Но в то время пренебрежительно подумалось: «И этот туда же... Без суфлеров обойдемся. Семочкина голова сотни таких стоит!». А теперь пришлось подтянуть поясок и поскрести по сусекам. И уж, конечно, супругу ни слова о письме. Не примет ни за что такую помощь. Скандала не избежать. Как все обставить? Ладно, придумается.

Она извлекла нужный конверт. Так-так... «Антибоин». Нормальный сюжет. Без гениальных прозрений. Но то, что надо.

Ираида Львовна, открыв дверь, пододвинула мужу домашние тапочки, из кухни уютно тянуло запахом кофейка.

– Ну как? Проветрился? Иди перекуси. А потом поговорим.

Семен Львович с надеждой посмотрел на нее:

– Что-то придумала?

– Потом-потом, – подтолкнула она его к дымящейся чашечке с пухлой коричневой пенкой.

Разговор был долгим. Симон Лахвари не сразу, но поддался убеждениям жены. А представила она ему все так, будто видела сон недавно. И во сне капитан космического корабля Бенни Хьюд избавил от войн целую планету с помощью антигравитационного аппарата. И про любовь там было. Командира – к красавице-туземке...

– Если б приснилось мне... – уже соглашаясь, проговорил Семен Львович.

– Какая разница? «Муж и жена одна сатана!».

– Да... Но... – он еще немного сопротивлялся: – Может, это уже было?

– Нет! Точно.

В прекрасной памяти жены Семен Львович не сомневался. Да и история с «Антибоином» занимала его все больше. Он повыспрашивал у жены подробности. Она терла лоб, напряженно их вспоминая – докрашивая присланное Тилепиным собственными измышлениями.

– Ладно, ладно, достаточно, а-то мне и делать-то нечего будет, – замахал рукой Симон Лахвари, шагая к кабинету. В его глазах уже вспыхивали огни вдохновения.

Неужели, все завершилось благополучно? Ираида Львовна мысленно послала Тилепину «спасибо» и решила в следующий раз, если придет письмо, обязательно на него ответить. «Антибоин» был написан быстро – Семен Львович три дня не отходил от письменного стола и с чувством удовлетворения отнес его в издательство. Как раз успел, чтобы заменить «рыбу». А теперь уже и корректура подоспела...

Щелкнул звонок входной двери. Ираида Львовна поднялась с кресла, но пошла не навстречу мужу, а в ванную – отереть крем, умыться, подкраситься. Она предпочитала, чтобы Семочка не видел ее косметических ухищрений.

– Ируня, ты кого-нибудь ждешь вечером?

– Да. Костя придет с гитарой – новые песни показать. Ну и еще человека три-четыре... А что?

– Рассчитывай тогда и на Комарову. Корректуру не успели с утра получить. Я не стал дожидаться. Она вечером захватит. И с нею еще одно юное дарование собирается зайти. Лариса Алаторцева. Мне попадались ее рассказы. Акварельно. Вполне сносно...

– Да. Девочка пробивается в писательский круг. Придет – так придет. Может, оживит «четверги», скучновато у нас становится. Она поет? Интересна в общении?

– Представления не имею. Посмотрим.

Но Алаторцева оказалась стеснительной и молчаливой. Комарова познакомила ее с хозяевами. А она, вместо слов о счастье быть представленной столь знаменитому писателю, вдруг сказала:

– У вас одинаковые отчества... Легко запомнить.

Оживляжа не получалось. Едва ли два десятка слов выдавила из себя Алаторцева, да и те отражали причину ее появления на «четверге»...

Ларисе было скучно. Хозяину, кажется, тоже. Это их сближало. Ираида Львовна выглядела дамой манерной и типично-салонной. Она очень старалась поддержать то и дело прерывавшуюся беседу, подвела ее к теме параллелей между литературой и живописью: реализм – натура; эссе, поток сознания – импрессионизм... Стала настаивать, чтобы высказался каждый. Лариса внутренне сжалась. Со своим инженерным образованием она не сильна была в теории литературы, хотя тема и показалась ей заслуживающей рассмотрения. И когда очередь дошла до нее, предпочла, извинившись, сказать, что не готова сейчас к такому разговору. Зато Тома Комарова целый доклад прочитала. Но ей и карты в руки – с Литинститутом-то.

Потом некий Костя, пел песни на испанском. Музыка была вполне самодельной, голос слабеньким, что немного скрашивалось эмоциональностью исполнения. Костя перебивал аккорды ударами по корпусу гитары, затем затопал ногами, но эффекта не получилось, потому что пол был застелен пушистым ковром.

– Молодец! Люблю! – воскликнула Ираида Львовна.

Лариса вслед за всеми вежливо поаплодировала. Кажется, настал удобный момент. Костя выскочил покурить на веранду. За ним вышли обе его приятельницы. Поднялась и Ираида Львовна – заварить свежего

чаю. Лариса пересела ближе к Симону Лахвари, в кресло, согретое хозяйкой.

– Симон Львович, у меня к вам огромная просьба, – она потянулась за сумочкой, достала надписанную заранее книжку рассказов. – Вот, может, найдется время полистать?

– Прочитаю, – он положил сборник на журнальный столик рядом с телефоном.

– Но это не все. Еще... Если сочтете рассказы приемлемыми... Мне хотелось бы, чтобы именно вы дали мне рекомендацию в Союз писателей.

– А не рано ли?

У Ларисы кровь прилила к щекам.

– Не знаю... Сказали, что можно.

Хорошо – Комарова помогла:

– Семен Львович, у нее уйма публикаций в «толстых» журналах. А на днях получаем «сигнальный» второй, сдвоенной, книжки. Там половина сборника – ее.

– Ну, тогда, конечно. Вы не волнуйтесь, девочка, – он дружелюбно протянул руку, чтобы похлопать Ларису по коленке, но, глянув в сторону кухни, не завершил жеста. – Угощайтесь конфетами. Я встречал ваши рассказы. Мне нравятся. Рекомендацию, как подготовлю, передам Тамаре. А уж вы с ней держите связь. Думаю, все будет в порядке.

Остаток вечера был еще скучнее. Лариса выполнила свою задачу, внутреннее напряжение ее отпустило, и она могла позволить мыслям течь, как им заблагорассудится: завтра надо бы пройтись по магазинам и подобрать платье для беременных – пора!

4

И в обоих рядах писателей, и за столом президиума Лариса углядела лишь несколько знакомых лиц. Лахвари пришел, когда уже слушали отчетные доклады. Он сел через ряд от Ларисы. Она улучила момент, когда он повернулся в ее сторону, улыбнулась ему, кивнула, здороваясь.

Литераторы говорили о творческих командировках, встречах с читателями, путевках... Все это пока не ее. Лариса думала, придется ли ей что-то рассказывать о себе. Если да, то хорошо бы поменьше. Новое платье уже, кажется, помялось с боков. Подташнивало. Заметна или нет

пока ее беременность? Дома она собиралась сказать об этом вечером. Как воспримется родителями будущий внук? Мама, конечно, сразу расплачется. А потом? Обрадуется? Сейчас уже, наверное, пироги в духовку посадила. Любимые дочкины, с курагой. Поздравлять с приемом в Союз...

Стало шумнее.

– Товарищи, – сказал секретарь Правления, усиливая голос, – у нас на повестке дня последний вопрос. Прием в члены СП Ларисы Георгиевны Алаторцевой. Поднимитесь, пожалуйста, Лариса Георгиевна, пусть люди с вами лично познакомятся.

Лариса встала, повернулась налево, направо, кивнула, переждала шумок, все еще не зная, что говорить. Но говорить ничего не пришлось, секретарь зачитал ее биографическую справку, перечислил публикации, фамилии рекомендующих. Спросил, кто и что хочет добавить к характеристике.

И тут началось нечто кошмарное.

– Так-так, товарищи, – донеслось с кресла возле окна, – принимаем, значит, в наш коллектив?! А знаете ли вы, кого принимаем?

Выкрикнувший это был Ларисе незнаком, бас его не вязался с поднявшейся сухой фигурой. Тон не обещал ничего хорошего.

– О! – услышала Лариса за спиной. – Игнатъев в своем репертуаре. Сейчас спектакль устроит. С фейерверком!

По залу прокатился смешок.

– Зря хихикаете. Думаете, раз – Игнатъев, так ничего путного не скажет?!

– Пожалуйста, Виктор Кузьмич! Только по делу, – сказал секретарь. – Что у вас там?

Тот торжествующе замахал над головой каким-то журналом и серыми листами корректуры с пометками на полях.

Лариса разглядела на обложке цифру «десять». Журнал с ее рассказом. Ну и что? Но сердце противно сжалось.

– Вот! – Игнатъев подошел к столу президиума. – Вот, обратите внимание. Здесь рассказ ее, – он ткнул пальцем в Ларисину сторону. – А здесь корректура всеми нами глубоко уважаемого Симона Лахвари. С тем же рассказом. «Антибоин». И название – то же!

– Ну-у, мало ли случается совпадений, – успокаивающе протянул секретарь.

– Совпадений?! – воскликнул-взвopil Игнатъев. – Не поленились сопоставить. Фабула – один к одному. Имена героев. У нее – Бенишев, у него – Бенни... Совпадение?

– Вот это да! – все поверили в плагиат оскорбительно быстро.

– Симон Львович, милый, вы не переживайте, мы защитим вас от этой дряни!

– А скромница на вид!..

– В тихом омуте...

– Верх наглости – у Симона же взять рекомендацию!..

Семен Львович сжал пальцами больно пульсирующие виски. Может, Лариса видела сон одновременно с Ируней? Но каким образом? Прodelки заезжего гипнотизера? Новоявленного «Снюся»? Бред. Жалко девчонку. Даже если и виновата. А почему, собственно, «если»? Виновата, конечно. Как к ней попал его рассказ? Он и не показывал его никому. Кроме Комаровой. Они, кажется, близко знакомы... Но даже если Тамара давала Алаторцевой посмотреть его рукопись – гнать в шею таких редакторов! – как у той хватило ума слямзить рассказ из плановой книги. Неужели бывают такие дуры? Вон, слезы в глазах... Сейчас будет истерика. Зачем ей это понадобилось?

– В суд надо дело передать, – кипели страсти.

– Какой суд? Погодите! Разобраться сначала надо!

Это Юрий Ильич пытается заступиться.

Лариса сидела не шелохнувшись. Уговаривала себя: «Спокойно! Спокойно! Нервничать нельзя – вредно ребенку. Праздник на сегодня отменяется. Придется оправдываться, доказывать. Кому? Что? Как? Балда! Польстилась на готовенькое. Но откуда Тилепин знал о рассказе Лахвари? Был опубликован в каком-то периферийном издании? Пусть. Но зачем Тилепину было подкидывать ей чужой использованный сюжет? Такая пакость...».

Тошнота подкатывала все сильнее. Зажав губы ладонью, она быстро вышла из зала, слыша за собой:

– А чего разбираться? Факт налицо!

– Товарищеский суд...

– Комиссию создадим.

– Надо по срокам сдачи в производство проверить!

– Ну уж! Не Лахвари же у зеленой девчонки рассказ перекатал!..

– Вон как выскочила! Пулей! Хорошо – не успели в Союз принять!

– Такого у нас еще не было!

* * *

Шурик выключил свет, лег на свое спартанское ложе и стал разглядывать оконное стекло, затянутое морозным узором. В его углу по светлому дробящемуся пятну угадывалась луна. Игольчатые белые цветы могли бы украсить даже свадебный наряд Снежной королевы. Но что же получается: если бы стояло это стекло само по себе на улице – оставалось бы пустым, никаким. Значит, Шурикино дыхание, существование здесь, его тепло создало чудесные узоры. А интересно, если бы здесь был другой человек, отличался бы рисунок на стекле? Был бы резче? Изящнее?

Захотелось горячего сладкого чая. Но из-за нескольких глотков выходить во двор, отпираться кухню, ждать, пока закипит вода... Сахар! Шурик рассмеялся, вспомнив случайно подслушанный разговор двух нянечек. Повариха, экономя на детских компотах и киселях, насобираала сахар в полотняный мешочек. И – вот дурочка! – пристроила его пока в кладовку. А поварихин же собственный кот облюбовал это место для своей нужды. И когда заметила она что-то неладное с сахаром, тот уже безнадежно пропах кошачьей мочой. Представляете? Чуть не плача, она ссыпала сахар в унитаз. Бедные ребятишки! Но ей – так и надо!

Сон улетучился. А ведь эта забавная история вполне заслуживает обнародования. Чтобы неповадно было! Кому же из сатириков подсказать? В пальцах так и засвербило. Шурик включил свет, достал лист хорошей бумаги и начал писать: «Уважаемый... – имя писателя он добавит позже, – пишет Вам Александр Тилепин, экономист по образованию, но литературовед по призванию. Правда, сейчас, так уж получилось, я работаю дворником... Так вот, хочу я подсказать Вам тему для фельетона...»

(Конец)